

«ДРАГОЦЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ» В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В жизни и творчестве Достоевского особое место занимают «воспоминания драгоценные», прежде всего это воспоминания о детстве. Писатель придавал им исключительное значение, полагая их важнейшими и «влиятельнейшими» в жизни человека, в том числе и своей собственной. По воспоминаниям А. Г. Достоевской, «Федор Михайлович охотно вспоминал о своем счастливом, безмятежном детстве и с горячим чувством говорил о матери»¹. Исследователи склонны оспаривать это утверждение жены писателя, ссылаясь на характер его отца². Не вдаваясь в детали этой полемики, поскольку это не входит в нашу задачу, отметим, что иной взгляд на детство писателя убедительно обосновал О. фон Шульц, представив его счастливым и радостным³. В какой-то мере ответ на эту дискуссию дает сам Достоевский в «Дневнике писателя», признаваясь, что на каторге особенно любил «воспоминания из самого первого (своего) детства» (22; 47). И ставит своеобразную точку в этих дискуссиях, делясь впечатлениями о посещении Дарового, мест своего детства и отрочества в июле 1877 года («Дневник писателя» за 1877 г., июльско-августовский выпуск). Вспомнив свое детство, Достоевский размышляет о «случайности» современных семейств, об уголовных делах, связанных с детьми, и делает следующий вывод: «Без святого и драгоценного, унесенного в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек. Иной, по-видимому, о том и не думает, а все-таки эти воспоминания бессознательно да сохраняет. Воспоминания эти могут быть даже тяжелые, горькие, но ведь и прожитое страдание может обратиться впоследствии в святыню для души. Человек вообще так создан, что любит свое прожитое страдание. Человек, кроме того, уже по самой необходимости склонен отмечать как бы точки в своем прошлом, чтобы по ним ориентироваться в дальнейшем и выводить

по ним хотя бы нечто целое, для порядка и собственного назидания. При этом самые сильнейшие и влияющие воспоминания почти всегда те, которые остаются из детства» (25; 172–173). Развернутая цитата позволяет показать, что Достоевский дает еще и автокомментарий к своему творчеству, суммируя здесь свои многочисленные высказывания о важности детских впечатлений в жизни не только отдельного человека, но и целого поколения (об этом см.: 25; 178–181, 191–192 и т.д.). Свои представления о роли детских воспоминаний в жизни человека писатель распространял и на конкретные судьбы, например, Н. А. Некрасова: это «было раненное в самом начале жизни сердце, и эта-то *никогда не заживавшая* рана его и была началом и источником всей страстной, страдальческой поэзии его на всю потом жизнь» (26; 111).

Воспоминания из детства самого писателя, как известно, непосредственно повлияли на его жизнь и творчество. Так, с воспоминанием о мужике Марее среди пьяного разгула каторжан Достоевский связывал перемены в своих убеждениях (22; 49–50). По словам жены писателя, одно из самых ранних его воспоминаний из детства – участие в деревенской церкви и «голубок пролетел через церковь из одного окна в другое»⁴; оно нашло прямое отражение в романе «Подросток». По свидетельству самого писателя и современных исследователей, любовь к Христу, к Евангелию, к русской истории и народу заложены были в нем еще в детстве («Не говорите же мне, что я не знаю народа! Я его знаю: от него я принял вновь в мою душу Христа, которого узнал в родительском доме еще ребенком и которого утратил было, когда преобразился в свою очередь в “европейского либерала”») (26; 152).

Наблюдения и размышления Достоевского о ценности «первоначальных

впечатлений» получили развитие в его художественном творчестве, начиная с ранних произведений, где акцентируются функции воспоминаний о детстве в становлении личности, в жизни персонажей («Бедные люди», «Неточка Незванова» и т. д.), и до последнего романа.

В «великом пятикнижии» писателя «воспоминания драгоценные» организуют «единое философско-эстетическое и литературно-художественное целое» (Г. М. Фридендер) его романов. В «Преступлении и наказании» воспоминания из детства – известный сон Родиона Раскольникова об убитой лошади: «Приснилось ему его детство, еще в их городке. Он лет семи и гуляет в праздничный день, под вечер, с своим отцом за городом» (6; 46). Этот сон-воспоминание неоднократно интерпретировался учеными прежде всего как источник убеждений персонажа⁵. Но воспоминание из детства – это и объективация имманентной сущности Раскольникова, и возвращение заблудившегося в лабиринтах «казуистики» героя к самому себе, к отцу (во сне «он обхватывает отца руками» – 6; 49) и – в итоге – к Отцу (Богу), о чем свидетельствует троекратное обращение к Господу (6; 50). Сон-воспоминание – это и отказ, освобождение от задуманного: «Точно нарыв на сердце его, нарывавший весь месяц, вдруг прорвался. Свобода, свобода! Он свободен теперь от этих чар, от колдовства, обаяния, от наваждения!» (6; 50).

Преображение Раскольникова во сне мотивировано письмом матери, напоминающей ему о детстве: «Вспомни, милый, как еще в детстве своем, при жизни твоего отца, ты лепетал молитвы свои у меня на коленях и как мы все тогда были счастливы!» (6; 34). И поддерживается в последнем разговоре с матерью, после принятия Раскольниковым решения о признании в убийстве: «... вот ты теперь такой же, как был маленький, так же приходил ко мне, так же и обнимал и целовал меня ...» (6; 398).

В этико-эстетическом целом романа эти преобразования героя в ребенка –

моделирование финальной развязки и в эмоциональном (экспрессия чувств, жестов, очищающих слез) и в философско-психологическом планах (воскресение взошедшего на свою «Голгофу», преодолевшего отчужденно-рассудочное отношение к миру Раскольникова, когда «вместо диалектики наступила жизнь» (6; 422), «болезнь сознания» разрешилась воскресением, возрождением в любви); это и модификация итогового прорыва к изначальному «я».

Воспоминание о детстве корреспондирует с финалом и в другом содержательно-символическом плане: озлобленная толпа из первого сна, улюлюкающая и забивающая «лошадку», разрастается в финальном сне до вселенских масштабов, «весь мир» видится зараженным «моровой язвой» и способным только к самоистреблению. Но как первый сон символизирует начало пути Раскольникова к эмоционально-нравственному преобразению, возвращению к Богу, так сон о заблудшем, зараженном «трихинами» человечестве сигнализирует о пробуждении его веры в людей, в их возрождение, возвращение к своему «детству» после «нового потоп» (так можно интерпретировать последний сон Раскольникова⁶). Не случайно своеобразным опровержением его грез о самоистреблении человечества выступает его же прозрение «детства человечества» в жизни людей на другом берегу реки: «Там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его» (6; 421).

Так воспоминания о детстве оказываются одним из тех узловых центров, где сплетаются основные сюжетные и идейно-философские нити романа. Вместе с тем в истории Раскольникова просматривается символическое воплощение мотива блудного сына: «был мертв и ожил» (Лк. 15: 24), Раскольников «воскрес, и он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим» (6; 421). Пространственный текст в этом случае декодируется по аналогии с сюжетной схемой евангельской притчи: перемещение

из «чужого» пространства в «свое». Топосы Петербурга и Сибири обретают полярный смысл: первый убивает, второй восстанавливает в человеке человека. Вместе с тем оба пространства амбивалентны и зависят от субъективного восприятия героя, совмещают «свое» – «чужое», «мертвое» – живое», «неволю» – «свободу». Такое содержательно-смысловое наполнение указанных пространств актуализирует не только (и не столько) сюжетную, сколько сакральную аналогию между романом и евангельской притчей.

Если абстрагироваться от событийного ряда, то можно сказать, что завязка «петербургского сюжета» Мышкина («Идиот») зеркальна завязке «петербургского сюжета» Раскольников: последний выходит из дома, чтобы в итоге оказаться в «чужом» пространстве, переместиться из топоса города в топос природы; Мышкин возвращается из «чужих» краев в Отечество, в «отчий дом» (к последней из рода Мышкиных – генеральше Епанчиной), перемещается из топоса природы в топос города. В сне-воспоминании Раскольников перемещается в родные места; первые осознанные воспоминания Мышкина связаны со Швейцарией, т.е. чужим пространством, чужим миром («все это чужое <...> чужое меня убивало» – 8; 48), ставшим «своим» вследствие его любви к детям и любви детей к нему. В скобках заметим, что вследствие болезни первые «драгоценные воспоминания» Мышкина – воспоминания о детях, а не о своем детстве. Сюжетное сопряжение в одном эпизоде (у Епанчиных) первых «драгоценных воспоминаний» Мышкина о его опытах христианской любви (сближение с детьми, история с Мари) с признанием, что «мысль имеет поучать» и надеется «умнее всех» прожить (8; 51, 53), позволяет увидеть в этих воспоминаниях источник его философии – философии любви-сострадания к людям – и предполагаемой деятельности (служения людям словом божьим). Однако «свой» мир оказался недостаточно восприимчивым к проповеди христианской любви. Предчувствие драматической развязки

пробуждает у князя мысли о бегстве, иначе «втянется в этот мир безвозвратно» (8; 256). Моменты душевного разлада (ощущение себя чужим «здесь», «своего» мира как «чужого»), мучительные для самого Мышкина, ассоциируются с «одним давно забытым» воспоминанием о страданиях «там», когда он чувствовал себя «чужим и выкидышем» на вечном празднике жизни (8; 351–352). Последнее воспоминание дублируется эпилогом (жертвенный отказ от бегства из «этого мира» обернулся полным отпадением от него и от самого себя, превращением в настоящего «идиота»).

Таким образом, «воспоминания драгоценные» Мышкина – узловые эпизоды романа, фиксирующие основные этапы духовного пути героя, определяющие композицию романа. Первые воспоминания (в Петербурге, у Епанчиных) – своеобразная развязка «швейцарского» сюжета (сюжета надежды) Мышкина и, одновременно, как отмечалось выше, завязка сюжета «петербургского». Последнее – контрастное первым – воспоминание (в парке) – кульминация и моделирование развязки этого, трагического в своей сути, сюжета.

Вместе с тем актуализация «воспоминаний драгоценных» позволяет увидеть глубинную подтекстовую связь двух рассмотренных романов: история возрожденного любовью Раскольникова эксплицируется в историю Мышкина, перестрадавшего свою «каторгу», возрожденного любовью же. «Великий, будущий подвиг» Раскольникова, еще не известный ему самому, совершается Мышкиным. Такое прочтение, думается, не противоречит авторской стратегии. Более того, в тексте обнаруживаются соответствующие сигналы: герой «Преступления и наказания» стоит на пороге новой жизни, ему предстоит переход «в другой мир», он готов принять жизненные ценности Сони («Разве могут ее убеждения не быть теперь и моими убеждениями...» – 6; 422). Но «мир», повторимся, не готов принять ни Мышкина, ни его подвиг – братское единение с людьми. И, как следствие этого, – переакцентирование внимания писателя на

«мир» в следующем романе «Бесы».

Симптоматично, что в каноническом тексте «Бесов» «воспоминания драгоценные» из детства у героев отсутствуют, хотя есть «предисловный рассказ» (Д. С. Лихачев) о прошлом персонажей, принадлежащий перу хроникера. Отсутствие спасительных воспоминаний из детства (последнего толчка на пути преобразования раскаяния в покаяние) оказывается губительным для главного героя романа – Николая Ставрогина. Ставрогин, в фамилии которого содержится намек на «крест» (staurys – по-гречески крест), возвращается из Швейцарии в день Воздвижения Креста Господня с мыслью о «бремени», т.е. покаянии (толчком к этому стали мучительные воспоминания, но не из детства, а из «взрослой» петербургской жизни героя, не вошедшие в канонический текст). Однако «бес» сомнения оказался сильнее готовности к «бремени», и Ставрогина ждет «не распятие Христа, а удавка Иуды»⁷. В широком смысле отсутствие в романе спасительных воспоминаний «из детства» (человека или человечества) знаменует общую победу «бесов», что в какой-то мере подготовлено уже событиями в «Идиоте».

Доминантным в романе «Бесы» (и судьбах персонажей) является мотив блудного сына. При этом глубинный смысл притчи – духовно-нравственное возрождение «блудного сына» – остается нереализованным. Никто из героев романа не преодолевает до конца своих заблуждений, лишь Шатову и Верховенскому-отцу открывается путь к возрождению. Шатов даже пытается проповедовать «идею» Бога и русского народа-«богоносца», но на прямой вопрос, верует ли он сам, может лишь «пролепетать»: «Я ... я буду веровать в Бога» (10; 201).

В сюжетной линии Ставрогина, на первый взгляд, воспроизводится сюжетная схема и глубинный смысл архетипа: уход из дома, развратная жизнь в Петербурге, возвращение домой с мыслью о «бремени». Но сам момент возвращения трагифицируется:

во-первых, вместо радостной встречи мать готовит сыну каверзный вопрос о жене, а ожидаемого всеми Николая Всеволодовича замещает вдруг влетевший в гостиную «совершенно не знакомый никому молодой человек» (10; 143). Во-вторых, возвращаясь, Ставрогин заготовил запасной вариант – бегство в кантон Ури в Швейцарии. Главное же в том, что не состоялось **духовное** возвращение – возрождение – Ставрогина. В результате философско-этическое содержание истории Ставрогина оказывается антиномичным сакральному смыслу притчи.

Ставрогиным Достоевский начинает изображение важнейшего для него типа «русского бездомного скитальца», восходящего, по мысли писателя, к пушкинскому Алеко (26; 137). Этот вариант блудного сына Достоевский наиболее подробно разработает в образе Версилова («Подросток»). Мотив блудного сына в этом романе эксплицируется в сюжет о «случайном семействе» с переменной функций персонажей (в роли блудного сына выступает отец, а к амплу отца-спасителя примеривается сын). Дальнейшее развитие архетипический мотив блудного сына получает в итоговом романе Достоевского «Братья Карамазовы»⁸.

Два последних романа («Подросток» и «Братья Карамазовы») – художественное исследование основных этапов нравственного становления личности, вследствие этого – и новый виток в развитии сюжета воспоминаний. В соответствии с этим в «Подростке» воспоминания о недавнем детстве определяют не только склад мыслей героя, но и его повествовательную структуру, где изображение настоящего буквально пронизано возвратами в прошлое. Знаковыми в структуре образа героя-повествователя (и в структуре романа) являются воспоминания о первых встречах с отцом, Андреем Петровичем Версильовым, в Москве и с матерью, «мамой», Софьей Андреевной Долгорукой, в деревенской церкви и пансионе Тушара.

Доминанта воспоминаний о первой встрече с Версильовым – полярность детских

впечатлений: радость общения с отцом и страдания в пансионе Тушара; восхищение «великим» Версиловым и сознание своей ничтожности (отца «с самого детства привык воображать себе <...> в каком-то сиянии», себя же осознал «лакеем, вдобавок, и трусом») (13; 17, 99). Аркадий нарочито подчеркивает театральность этой встречи (Версилов – Чацкий, он сам – «толковый мальчик», читающий недетскую басню Крылова; они даже обмениваются с Версиловым криками «браво»). Именно эта встреча с отцом, ставшая «фатальным толчком к его развитию», предопределила отношение Аркадия к жизни как театру (13; 62). Акт публичного воспоминания о встрече с отцом обставляется Подростком как некое театральное действие. Аркадий анонсирует его в первой, четвертой и начале шестой главах первой части своих записок. Приступая к рассказу о том, «как один отец в первый раз встретился с милым сыном» (содержание рассказа или «анекдота» прямо противоположно «заглавию»), приглашает слушателей смеяться (13; 91). Оттенок театральности присутствует и в описании жизни в Петербурге: произошедшие с ним перемены Подросток фиксирует как смену амплуа и декораций («Я одет франтом <...>. У меня Матвей, лихач, рысак»; сначала снял «квартиренку», теперь у него «резиденция» у князя Сережи и т.д. – 13; 163). Описывая реальные или выдуманные эпизоды общения с разными людьми, старательно выстраивает мизансцены (например, предполагаемого шантажа Ахмаковой – 13; 306), тщательно фиксирует жест, мимику участников, постоянно признается, что «выдумал» отца, «идею», людей. Сочинив для Версилова роль жертвы, для себя Аркадий выбрал амплуа его великодушного спасителя («Я ехал помочь ему сокрушить клевету, раздавить врагов» – 13; 63).

Рассматривая жизнь как театр, Подросток и вызов в Петербург воспринял как приглашение к участию в чужом спектакле и навязывание ему чужой роли («шпиона» у старого князя Сокольского). Он же полагал себя главным действующим лицом и даже постановщиком собственного «спектакля», поскольку «знал всю подноготную», владел

«документом» (письмом Ахмаковой о недееспособности отца) и «прямо мог войти» в чужой для него мир «властелином и господином даже чужих судеб, да еще чьих!» (13; 16). При этом, по словам Подростка, «все делалось во имя любви, великодушия, чести, а потом все оказалось безобразным, нахальным, бесчестным» (13; 164). В результате Аркадий оказался втянутым в тот фарс, который разыгрался вокруг старого князя Сокольского и его дочери Ахмаковой, стал невольным участником чужой игры. Катастрофическая развязка «театральной» сюжетной линии – стыд и позор Аркадия – аргументирована ошибочностью его представлений о жизни, односторонностью воспоминаний.

Другое значимое для Аркадия воспоминание, востребованное после катастрофы, – это воспоминание о встрече с матерью, «мамой», как называет ее повествователь, в шестилетнем возрасте (вернее, о двух встречах, поскольку первое воспоминание дублируется вторым, переживаемым во сне). Акценты, расставленные Аркадием при описании этих встреч, позволяют утверждать, что с «мамой» в его сознание вошел другой мир, мир церкви (в сне-воспоминании сливаются момент причастия и «голубок», «который пролетел через купол», колокольный звон, только что минувшая пасхальная неделя и «новорожденные зелененькие листочки» как символы воскресения и обновления – 13; 92, 270, 273). В воспоминаниях (и представлениях теперешнего Аркадия) мама – страстотерпица, мученица. Понять высоту ее христианского смирения Подросток сможет лишь спустя какое-то время после катастрофы и обращения (через «мamu» и ее «законного мужа», своего «законного отца» Макара Долгорукого) к миру церкви. Воспоминания из детства о встречах с «незаконным отцом» – Версиловым – и «мамой» приобретают в романе, таким образом, символический смысл пути: от мира-театра, ложных ценностей и заблуждений к миру-церкви, истинным ценностям и прозрению, преображению, от «безобразия» к «благообразию».

В романе «Братья Карамазовы» открытая

Достоевским функция воспоминаний из детства обретает концептуальное завершение. Авторитетом личного опыта (самого будущего Зосиму спасло от убийства воспоминание о брате Маркеле, утверждавшем духовное (и душевное) родство всего сущего в мире) старец Зосима в своих поучениях, записанных Алешей Карамазовым, утверждает абсолютную и непреходящую ценность «воспоминаний драгоценных», вынесенных из «дома родительского» (14; 263 – 264). Алеша Карамазов находит путь к храму благодаря живущему в нем первому детскому воспоминанию о матери, которая протягивает его «из объятий своих обеими руками к образу как бы под покров Богородице» (14; 17). А в знаменитой речи у Илюшиного камня Карамазов формулирует основные принципы духовного становления и воспитания личности и восстановления «человека в человеке»: «Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь» (15; 195). Отметим, что Алеша реализует проповедническую и учительскую миссию Мышкина (прежде всего в книге десятой, «Мальчики»), пройдя свой путь испытаний и сомнений, душой со-прикоснувшись «мирам иным», прочувствовав (со-пережив) единство «миров божьих», единство «всех, всё и вся» (после видения Каны Галилейской).

Двойной опыт спасения человека (Зосимы и Алеши), завершающая пятикнижие речь Алеши, обращенная к мальчикам, о воскресении в любви и через любовь – оптимистический итог этико-эстетических исканий Достоевского, вобравших в себя и личный опыт писателя о преображающем воздействии «драгоценных воспоминаний», вынесенных, прежде всего,

из детства, на человека.

Такой взгляд на роль воспоминаний о детстве близок и Л. Н. Толстому. В романах «Война и мир», «Воскресение» воспоминания о детстве посещают героев в моменты духовных и физических потрясений, переживаются как обновление, второе рождение: «После перенесенного страдания князь Андрей чувствовал блаженство, давно не испытанное им. Все лучшие, счастливейшие минуты в его жизни, в особенности самое дальнее детство, когда его раздевали и клали в кроватку, когда няня, убаюкивая, пела над ним, когда, зарывшись головой в подушки, он чувствовал себя счастливым одним сознанием жизни, – представлялись его воображению, даже не как прошедшее, а как действительность»⁹.

Это ощущения князя Андрея; подобное же переживает и Нехлюдов: «Он не только вспомнил, но почувствовал себя таким, каким он был тогда, когда он четырнадцатилетним мальчиком молился Богу, чтоб Бог открыл ему истину, когда плакал ребенком на коленях матери, расставаясь с ней и обещаясь ей быть всегда добрым и никогда не огорчать ее ...» (XXXII, 224 – 225).

Это воспоминание-ощущение себя ребенком знаменует преображение героев, сигнализирует о начале их нового пути. Для князя Андрея это путь исцеления от гордыни, ревности, жажды мести, победы христианских чувств; в конечном итоге, это путь Болконского к Богу, к победе над страхом смерти: «Сострадание, любовь к братьям, к любящим, любовь к ненавидящим нас, любовь к врагам, да, та любовь, которую проповедовал Бог на земле, которой меня учила княжна Марья и которой я не понимал; вот отчего мне жалко было жизни, вот оно то, что еще оставалось мне, ежели бы я был жив. Но теперь уже поздно. Я знаю это!» (XI, 256).

Для Нехлюдова – окончательное и полное избавление от сомнений, собственных инстинктов, сожалений о прошлом и ощущение «неперестающей радости освобождения и чувство новизны» (XXXII, 232), обращение в итоге к Христу.

Резюмируя, отметим, что развязка романских историй Болконского и Нехлюдова рождает ассоциации с историей блудного сына, символично-аллегорический смысл которой и истолковывается как возвращение к Отцу небесному. Впрочем, и основные события в жизни Андрея Болконского соотносимы с историей блудного сына: отъезд из дома отца на войну, готовность пожертвовать близкими ради славы и торжества над людьми («расточительство»), возвращение к отцу после ранения; отъезд из своего имения в Петербург, разочарование в службе, утрата любви, поглощенность мстительным чувством к Анатолию («растрата»), преображение после ранения на Бородинском поле («возвращение»). Просматривается аналогия с архетипом и в истории Нехлюдова: утрата духовности, победа животного начала («уход»), развратная жизнь, постепенное преображение («возвращение»). Как видим, можно говорить об устойчивом интересе писателя к евангельской притче, особенно к финальной ее части. Трансформируя и усложняя сюжет архетипа, Толстой развертывает его каждый раз в соответствии со своим персональным мифом.

Следует добавить, что и для Пьера давние воспоминания (во сне, о старичке учителе географии с его «живым» глобусом) станут катализатором его постижения жизни как движения и движения к Богу. Повторяемость воспоминаний о детстве в романах Л. Толстого – это и реализация писателем евангельской максимы «будьте как дети», и свидетельство исключительной значимости

самых первых впечатлений для нравственного возрождения его героев.

Анализ воспоминаний, сквозных, лейтмотивных в произведениях Достоевского, позволяет увидеть еще один сквозной мотив, объединяющий романы писателя в единое целое, – мотив блудного сына. Проведя героев своих романов по пути заблуждений, сомнений, возвращений к церкви и к Богу, Достоевский в финале пятикнижия удостоивает двух из них (Зосиму и Алешу Карамазова) лицезреть Отца небесного.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1981. С. 101.

² Там же. С. 423.

³ *Шульц О.* Светлый, жизнерадостный Достоевский: Курс лекций. Петрозаводск, 1999. С. 54 – 83.

⁴ См. об этом: *Гроссман Л. П.* Семинарий по Достоевскому. М.; Пг., 1922. С. 66.

⁵ *Касаткина Т. А.* Категория пространства в восприятии личности трагической мироориентации (Раскольников) // *Достоевский: Материалы и исследования.* СПб., 1994. Т. 11. С. 84.

⁶ *Торон П.* Достоевский: история и идеология. Тарту, 1997.

⁷ *Захаров В. Н.* Символика христианского календаря в произведениях Достоевского // *Новые аспекты в изучении Достоевского: Сборник научных трудов.* Петрозаводск, 1994. С. 46.

⁸ *Шатин Ю. В.* Архетипические мотивы и их трансформация в новой русской литературе // «Вечные» сюжеты русской литературы («блудный сын» и др.). Новосибирск, 1995. С. 37, 40.

⁹ *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1928 – 1959. Т. IX. С. 254 – 255. Далее цитируется это издание с указанием тома (римскими цифрами) и страниц в тексте.